

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2026), 298–306
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2026), 298–306
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-1-91-298–306

Новая книга о новой культуре: *ХРАПУНОВ И.Н.* Могильник Нейзац (II–IV вв. н.э.): в трех томах. Севастополь: Альбатрос, 2025. ISBN 978–5–907360–65–5

В 2025 г. вышла в свет новая книга профессора КФУ им. В.И. Вернадского, доктора исторических наук И.Н. Храпунова «Могильник Нейзац» (Севастополь). Монография включает три тома. В первом представлены текстовые материалы, в двух других – чертежи погребальных комплексов и иллюстрации артефактов¹. Издание является продолжением публикации материалов могильников римского времени, исследуемых в регионе И.Н. Храпуновым с 1990-х гг.². С 2013 г. под его редакцией выходит ежегодник «Крым в сарматскую эпоху», на страницах которого оперативно вводятся в научный оборот как материалы новых раскопок, так и исследовательские статьи по отдельным проблемам этой эпохи.

Публикация могильника Нейзац особенно своевременна и актуальна в связи с масштабными раскопками аналогичных некрополей Фронтное 3 и Киль-Дере, проводившихся сотрудниками ИА РАН в предгорьях Юго-Западного Крыма на трассе строительства автодороги Таврида³.

Во введении к монографии рассматривается история раскопок памятника, которые вела экспедиция под руководством И.Н. Храпунова с 1996 по 2015 гг. Перечисляются участники экспедиции, внесшие весомый вклад в исследования. Многие из них ныне стали известными археологами, имеют ученые степени. Правда, лишь вскользь упомянуты В.П. Власов, В.В. Масыкин и В.В. Кропотов, долгие годы работавшие вместе с И.Н. Храпуновым и оставившие заметный след в изучении памятника. Касаясь истории исследования, следует уточнить: утверждение, что исследователем двух склепов в 1969 г. «не был квалифицированный археолог», не соответствует действительности. Известно и имя: это сотрудница Отдела археологии Крыма (далее – ОАКр) ИА АН УССР О.А. Махнева. Дело в том, что в 1969–1971 гг. Зуйским новостроечным отрядом Крымской экспедиции ОАКр под общим руководством О.И. Домбровского проводилось изучение комплекса разновременных памятников в урочище Тау-Кипчак к югу от с. Красногорское (быв. Нейзац). Данную территорию предполагалось затопить водами строящегося Балановского водохранилища. Основным объектом исследований являлось поселение салтово-маяцкой культу-

¹ Храпунов 2025.

² Храпунов 2002.

³ Масыкова, Хайрединова 2022; Масыкова, Гавритухин 2024а; 2024б; Свиридов, Язиков 2023.

ры и культурный слой кизил-кобинской культуры. Изучением последнего и руководила О.А. Махнева. Склепы же были обнаружены случайно по соседству по провалам сводов. Оба они оказались ограбленными. Вероятно, сжатые сроки новостроечных работ и состояние сооружений не позволили исследовать и документировать их с необходимой тщательностью. К сожалению, научный отчет о работах Зуйского отряда в ИАК РАН отсутствует, а киевские архивы пока недоступны. Сохранилась лишь часть полевых материалов, но среди них отсутствуют чертежи, относящиеся к могильнику⁴. Ввиду данного обстоятельства судить об уровне первичной фиксации не представляется возможным. Тогда же при прокладке ЛЭП были найдены следы большого «скифского поселения первых веков н.э. в устье Барабановской балки». Высказывалось предположение: его верхний слой связан со «скифо-сарматским могильником III–IV вв. («Нейзацкие склепы»), находящимся напротив балки на берегу р. Зуи». Работами так же руководила О.А. Махнева⁵. Уже в 1971 г. она подготовила статью «Новые сарматские склепы в верховьях р. Зуи». Рецензентом выступала Т.Н. Высотская. Обсуждение в ОАКр вылилось в дискуссию: большинство коллег признавало, что склепы следует рассматривать в одном контексте со «скифским» поселением. Из протоколов заседания следует: А.А. Щепинский, отношения которого с ОАКр в этот период осложнились, раскопал один склеп в 1957 г., так и не передав в отдел ни находки, ни полевые материалы, чем участники заседания были крайне возмущены. Тогда же коллеги рекомендовали Т.Н. Высотской оказать помощь О.А. Махневой в работе над публикацией⁶. Статья вышла много лет спустя⁷.

В Главе 1 «Описание результатов раскопок» четко и лаконично представлена характеристика погребальных комплексов памятника. Правда, все они названы могилами, а их тип расшифровывается уже в тексте. Представляется, что это несколько усложняет восприятие памятника читателями, особенно зарубежными.

В Главе 2 «Погребальные сооружения» автор излагает свои наблюдения, касающиеся выявленных конструкций, сравнивая их с другими могильниками п-ова данного периода. Затрагивается здесь и крайне важный, имеющий длительную историю дискуссионный вопрос о происхождении крымских грунтовых склепов римского времени. Примечательно, что автор, в отличие от ранних работ, уже не столь категорично относит их к аланам, якобы проникшим на п-ов с Северного Кавказа во второй половине – конце III в. н.э. Действительно вопрос о происхождении этой погребальной традиции, остается открытым, тем более – их связь с конкретным этносом⁸. Попутно следует обратить внимание: сооружение склепов – довольно трудоемкая операция и этим, скорее всего, занимались профессиональные мастера. Мы же сталкиваемся лишь с результатом их деятельности. Сейчас трудно судить, в какой степени вкладывали строители сакральный смысл в размеры дромоса, форму свода, камеры и другие детали подземной архитектуры. Возможно, мы лишь фиксируем итоги деятельности определенных «производственных школ», не имеющих прямого отношения к этносу.

Не меньшее число вопросов оставляют и «Погребальные обряды», рассмотренные в Главе 3. Исследователям приходится иметь дело лишь с внешней стороной (положение тела, конечностей, размещением инвентаря и т.д.), тогда как важнейшая духовная часть обряда по понятным причинам остается за ранью нашего понимания. Вместе с тем, прослеженные закономерности указывают на определенные традиции, существовавшие в социуме. Автор справедливо избегает широких аналогий для тех или иных деталей обряда: это привело бы лишь к путанице, спорным заключениям о миграционных перемещениях и т.д.

Глава 4 «Погребальный инвентарь» посвящена предметам, сопровождавшим захоро-

⁴ НА ИАКр РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 1487.

⁵ ИАК РАН. НА. Ф.3. Оп. 1. Д. 30а. Л. 22.

⁶ ИАК РАН. НА. Ф.3. Оп. 2. Д. 23. Л. 11–15.

⁷ Высотская, Махнева 1983.

⁸ Юрочкин 2002, 125–137.

нения. По большей части, найденные здесь изделия хорошо известны в науке. Существуют различные их типологии, хотя несколько разнятся представления о хронологии, но они, по большей части, учтены автором. Обращаясь к традиции украшения в IV в. ручек лепных сосудов Нейзаца зооморфными фигурами, И.Н. Храпунов, отмечает, что она не зафиксирована на других памятниках. Это не вполне так. Подобным образом оформлены ручки на сосудах из довоенных работ на Инкерманском могильнике, из некрополя у с. Заветное и на трехручной лепной вазе из Краснозоринского могильника в Юго-Западном Крыму⁹. Так что, ареал их шире и не ограничивается центральным Крымом. И.Н. Храпунов справедливо воздерживается от детальной классификации лепных сосудов, оставляя это будущим исследователям. Любая классификация, тем более в пределах одного памятника, всегда условна и субъективна. Автор полагает, что население, оставившее могильник, не знало гончарного круга. Это утверждение кажется довольно спорным. Трудно представить, что жители региона, включая носителей т.н. позднескифской культуры, на протяжении столетий контактировавшие с античным миром, так и не усвоили простейших приемов изготовления гончарной посуды. Вероятно, причина широкого использования сосудов домашнего производства в быту и погребальном обряде иная.

В Главе 5 «Хронология и периодизация» представлена датировка каждого из комплексов. Важно, что автор приводит список артефактов, на которых основываются его выводы, это упрощает читателю проверку выводов.

В Главе 6 «Поселение» публикуются материалы из культурного слоя IV – начала V вв., обнаруженного на территории некрополя. Происхождение и статус данного поселения, жители которого обитали буквально рядом с могилами, остается не ясным.

Особый интерес представляет заключительная Глава 7 «Некоторые проблемы истории Крыма римского времени в связи с исследованиями могильника Нейзац». Полная публикация материалов раскопок могильника закономерна. Не так давно И.Н. Храпунов предложил дифференцировать древности Крыма римского времени, включив в их состав новую археологическую культуру, назвав ее нейзацкой. Она, по его мнению, существовала в центральной и юго-западной части п-ова с рубежа I/II до рубежа IV/V вв.¹⁰. Факт сам по себе примечательный. Дело в том, что к атрибуции древностей Крыма письменного периода еще до революции возобладал этно-исторический подход. Даже когда в условных наименованиях групп присутствовало слово «культура», авторы считали необходимым сопоставить ее с каким-либо известным этносом. Пример тому неапольская культура Н.Л. Эрнста¹¹, кизил-кобинская культура Г.А. Бонч-Осмоловского¹² и, конечно, позднескифская культура П.Н. Шульца¹³. Первую попытку представить локальную причерноморскую (тепсеньскую) культуру вне этнических рамок сделали В.П. Бабенчиков и М.А. Фронджуло¹⁴. Однако название не утвердилось в науке. Более удачными оказались кеми-обинская культура А.А. Щепинского¹⁵ и каменская культура А.Е. Кислого¹⁶. Но обе они относились к эпохе бронзы и не могли идентифицироваться с каким-либо известным этносом. Этнический подход после окончания Великой Отечественной войны обусловил ряд дискуссий, не всегда академического характера: чего только стоят коллизии вокруг «готского» и «славянского» вопросов¹⁷. Именно в русле «славянского вопроса» первоначально рассматривались аналогичные древности II–IV вв.

⁹ Неневоля, Волошинов 2001, рис. 6; Юрочкин 1999, рис. 7; Шульц 1971, рис. 86, 6.

¹⁰ Храпунов 2019, 32–49.

¹¹ Эрнст 1927, 27–28.

¹² Бонч-Осмоловский 1929, 9–13.

¹³ Шульц 1971, 244–271.

¹⁴ Фронджуло 1975, 476–484.

¹⁵ Щепинский 1966, 10–23.

¹⁶ Кислый 2022.

¹⁷ Юрочкин 2017, 364–413; 2021.

из Инкерманской долины под Севастополем. С конца 1950-х гг. повышенное внимание к этнической археологии постепенно стало угасать, но традиция сохранилась. Оно вновь актуализировалось в период Перестройки, что косвенно обусловлено возвращением на п-ов крымскотатарского населения. Вновь обозначилось порядком забытое противостояние между «автохтонистами» и «миграционистами». Первые, из числа крымско-татарских лидеров, утверждали, что их корни в древнейшем населении п-ова, а вторые, как политики, так и ученые, представляли Крым ареной самых разных миграций, постоянно приводивших к кардинальной смене этнического состава населения¹⁸. К началу 1990-х гг. сформировалась парадигма, согласно которой в середине III в. в Центральном и Юго-Западном Крыму угасла позднескифская культура, исчезли ее носители, а их место заняли мигранты: германцы, пришедшие с севера, и аланы – выходцы с Северного Кавказа. С первыми связывали захоронения по обряду кремации, а со вторыми – погребения в склепах¹⁹. И.Н. Храпунов стоял у истоков этой парадигмы, которая во многом благодаря его ученикам надолго заняла лидирующее место в крымской науке. Но спустя два десятилетия, в Юго-Западном Крыму были открыты кремации, совершенные гораздо раньше «готских походов», что поставило парадигму под сомнение. И.Н. Храпунов многие годы придерживался миграционной «аланской и северокавказской» версии. Однако раскопки, проведенные им за эти годы на могильниках Дружное, Нейзац и Опушки, показали: начало их функционирования также относится к более ранней эпохе. Это же подтверждают исследования Ю.П. Зайцева, независимо систематизировавшего сведения о могильниках «Крымского Барбарикума»²⁰. Учитывая феномен могильников с «длинной хронологией», В.Ю. Юрочкин предложил пласт древностей IV в. рассматривать в качестве отдельной археологической культуры, назвав ее вслед за М.М. Казанским инкерманской, при этом также намеренно воздерживаясь от этнических атрибуций²¹. В настоящее время «этническая парадигма 1990-х гг.» если и не отвергнута, то переживает явный кризис. Благодаря И.Н. Храпунову крымская археология сделала значительный шаг вперед, обозначив постепенный отход от традиционных этнических построений и переход на принципы археологической классификации.

Но в вопросе о новой нейзацкой культуре есть ряд спорных аспектов. Во многом это обусловлено неопределенностью в отечественной науке в отношении археологической культуры как классификационной единицы²². На практике она выступает как инструмент первичной систематизации материала, позволяющий отличить одну группу древностей от другой.

С точки зрения читателя, восприятие нейзацкой культуры затрудняет отсутствие в книге ее четкой дефиниции. Поэтому остается не ясным соотношение между синхронными памятниками позднескифской и сарматской культур. Возможно, упрек чрезмерен, поскольку у этих культур дефиниции так же отсутствуют, и они воспринимаются во многом интуитивно, следуя традиции. Вместе с тем, дать определение нейзацкой культуры с перечислением признаков, характерных исключительно для нее, будет весьма непросто. Как объединить в рамках единой культуры ранний пласт захоронений II–III вв., с ничтожным числом лепных сосудов и оружия, зато изобилующих фибулами, зеркалами и браслетами, и поздний пласт погребений в склепах IV в., с обилием самых разнообразных сосудов, оружия, но скромным набором фибул и зеркал? Когда число захоронений на подобных могильниках исчислялись единицами, а в лучшем случае десятками, такой подход был еще приемлем. Но теперь, когда исследованы сотни погребений, это требует иной методики, возможно с применением статистики. Из этого вытекает и другая проблема:

¹⁸ Колтухов, Юрочкин 2004, 158.

¹⁹ Айбабин и др. 1993, 211–221.

²⁰ Зайцев 2022, 102–117.

²¹ Юрочкин 2024.

²² Клейн 1991, 125–208.

каким временем следует датировать формирование этой единой новой культуры? Если за основу брать начальный период, то этот пласт древностей окажется тождественен позднескифской культуре, если же речь пойдет о позднем этапе IV в., то он будет соответствовать инкерманской культуре. Речь идет не об этносах, местном субстрате, роли миграций и т.п., а об археологических культурах, как единицах классификации, и не более того. Вероятно, и И.Н. Храпунова и Ю.П. Зайцева в конце 1950-х или конце 1980-х гг. формально причислили бы к «автохтонистам. По иронии судьбы именно аналогичные памятники Инкерманской долины в середине 1950-х гг. дали толчок к возвращению «миграционизма» в крымскую археологию²³. Похоже, ученые через семьдесят лет прошли по кругу и вернулись к исходной точке, но уже на новом, более объективном уровне. Сейчас становится очевидным: процесс археологического культурогенеза более сложный, чем представлялась и его механизм пока остается не ясным. Как и проблема генетического родства между носителями разных культур, а уж тем более соотношение этноса и культуры. Возможно, со временем ее прояснят палеогенетические и антропологические исследования. Представляется, что, на современном этапе было бы уместнее говорить не о новой культуре, а об особой группе могильников «типа Нейзац», на которых присутствует как минимум два культурных горизонта: первый из них условно «позднескифский» или «сарматский», второй представлен захоронениями инкерманской культуры. Но это отнюдь не означает, что население, хоронившее в пределах единого сакрального пространства на протяжении нескольких столетий, никак не было связано между собой. Имеющиеся факты свидетельствуют как раз об обратном.

И.Н. Храпунов поднимает в книге еще один важный вопрос о поселениях, связанных нейзацкой культурой, точнее об их отсутствии. Данное обстоятельство, по его мнению, как раз и является одним из ведущих признаков, позволяющих отделить новую культуру от позднескифской, носители которой обитали на городищах и в окрестных селищах. Действительно, пока это составляет одну из загадок крымской археологии. Однако следует отметить, что ситуация выглядит не столь уж безнадежно. Хотя такие поселения не подвергались полноценным раскопкам, вряд ли стоит констатировать их отсутствие. Вот несколько примеров: на горной гряде, у подножия которой расположен ряд могильников у с. Скалистое Бахчисарайского района, при сплошном обследовании обнаружено значительное число фрагментов керамики первых веков н.э. Позднеантичная керамика выявлена на участке соседнем с могильником Сувлу-Кая. Керамика того же периода в большом количестве найдена на склоне г. Бор-Кая рядом с пещерным средневековым армянским храмом. Правда, материалы не опубликованы, и тут не вина автора. Целый комплекс археологических памятников, включая могильники «типа Нейзац», поселения с материалом римского времени вплоть до IV/V вв., а может даже и позднее, зафиксированы на плато Кубалач в восточной части центрального Крыма²⁴. Синхронное поселение сопутствует и Нейзацкому могильнику. Речь, конечно же, о Барабановской балке на противоположном берегу реки. Оно было открыто еще в конце 1960-х гг., а И.Н. Храпунов провел на нем раскопки, выявив следы каменных строений, хозяйственные ямы и т.д.²⁵. Трудно представить, что оба объекта, расположенные в пределах прямой видимости, не были связаны между собой: в одном случае могильник, не принадлежащий никакому поселению, в другом поселение, не имеющее соответствующего могильника. Но И.Н. Храпунов полагает, что они принадлежат разным археологическим культурам, хотя разница между материалом, с точки зрения стороннего наблюдателя, совершенно незначительна. Определенное различие между материальной культурой «живых» и материальной культурой «мертвых» – вполне закономерно.

²³ Юрочкин, Майко 2017, 213–217.

²⁴ Зайцев, Шкрибляк 2017; 2025, 196–204.

²⁵ Храпунов 2016.

Однако вопреки этому И.Н. Храпунов делает вывод, что население, оставившее могильник Нейзац, не имело стационарного места жительства, а вело подвижный образ жизни, занимаясь скотоводством. Но стоит заметить: это население разводило свиней, обычно мало приспособленных к кочевым условиям, а в быту использовало множество керамической посуды, тонкостенных стеклянных стаканов, чрезвычайно хрупких для постоянной транспортировки. Представляется, что облик нейзацкой культуры, вне зависимости от этапа, скорее свидетельствует об оседлом характере ее носителей, имевших стационарные жилища. А приоритет в открытии таких поселений, безусловно, принадлежит И.Н. Храпунову, хотя он сам этого не признает.

В заключении И.Н. Храпунов приводит свою реконструкцию истории населения региона. Правда, складывается впечатление, что раздел готовился отдельно и мало связан с предыдущим текстом. В частности, в нем нет ни слова о нейзацкой культуре. Автор вновь повторяет прежние тезисы о проникновении в долину сарматов из предгорий во второй половине II в. н.э., затем прибытии мигрантов с Северного Кавказа, а впоследствии о новом значительном миграционном потоке, достигшем долины на рубеже III–IV вв., и уходе отсюда населения в конце IV – начале V в. в связи с гуннской угрозой. Хотя И.Н. Храпунов и пишет о миграции с Северного Кавказа, но воздерживается от прежней аланской атрибуции этого населения²⁶. Если подходить объективно, окажется, что следы предполагаемой миграции крайне незначительны. Керамика, напоминающая северокавказскую, составляет менее 0,2% от общего числа²⁷. Короткие «мечи с вырезами» распространены гораздо шире Северного Кавказа и Крыма²⁸. К тому же, новации в вооружении далеко не всегда отражают миграции. Конструкция же отдельных склепов, тем более в пределах одного памятника, по указанным выше причинам, также не является надежным критерием. Тем более, сами кавказоведы не спешат крымских жителей причислять к «аланскому миру». У читателя также может возникнуть ощущение противоречия: если здесь фиксируется как минимум три миграционных потока, тогда можно ли говорить о единой нейзацкой культуре? Остается так же вопрос: считает ли автор эта культуру привнесенной или сформировавшейся на месте, пусть даже с участием гипотетических мигрантов? В рассмотренной книге на них нет ответа. Хотя сам подход к поставке вопроса с точки зрения археологической систематизации, безусловно, новаторский.

С выходом новой книги стоит поздравить как ее автора, так и потенциальных читателей, да и всю крымскую археологию. Что же касается новой культуры – вопрос представляется более дискуссионным.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aybabin, A.I., Gertsen, A.G., Khrapunov, I.N. 1993: Osnovnye problemy etnicheskoy istorii Kryma [The Main Problems of the Ethnic History of Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 3, 211–221.
Айбабин, А.И., Герцен, А.Г., Храпунов, И.Н. 1993: Основные проблемы этнической истории Крыма. *МАИЭТ* 3, 211–221.
- Bonch-Osmolovskiy, G.A. 1929: *Doistoricheskoe proshloe Kryma* [The Prehistoric Past of Crimea]. Simferopol.
- Бонч-Осмоловский, Г.А. 1929: *Доисторическое прошлое Крыма*. Симферополь.
- Ernst, N.L. 1927: Neapol' Skifskiy (k stoletiyu so vremeni pervy'kh raskopok [Scythian Neapolis (on the Centenary of the First Excavations)]. In: *Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10–13 sentyabrya 1927 goda* [The Second Conference of Archaeologists of the USSR in Chersonesus, September 10–13, 1927]. Sevastopol, 23–28.

²⁶ Храпунов 2004, 153

²⁷ Юрочкин 2024, 214.

²⁸ Казанский 2023, 42–45.

- Эрнст, Н.Л. 1927: Неаполь Скифский (к столетию со времени первых раскопок). В сб.: *Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года*. Севастополь, 23–28.
- Fronzhulo, M.A. 1975: Pam'yatki pivdenno-skhidnogo Krymu [Sites in southeastern Crimea]. *Arkheologiya Ukrains'koy RSR [Archaeology of the Ukrainian SSR]* 3, 476–484.
- Фронджуло, М.А. 1975: Пам'ятки південно-східного Криму. *Археологія Української РСР* 3, 476–484.
- Kazanskiy, M.M. 2024: Gelon s kosoy: o drevkovom oruzhii Epokhi pereseleniya narodov [Gelon with Falx: About Staffarms of the Migration Period]. In: A.I. Aybabin, E.A. Khayredinova (eds.), *Varvary na granitsakh Vostochnoy Rimskoy imperii. Sbornik statey M.M. Kazanskogo [Barbarians on the Borders of the Eastern Roman Empire. Collection of Articles by M.M. Kazanskiy]*. Simferopol, 42–46.
- Казанский, М.М. 2024: Гелон с косой: о древковом оружии Эпохи переселения народов. В сб.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (отв. ред.), *Варвары на границах Восточной Римской империи. Сборник статей М.М. Казанского*. Симферополь, 42–46.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.) [The Druzhnoe Burial Ground (3rd–4th centuries AD)]*. Lublin.
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.)*. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2004: *Etnicheskaya istoriya Kryma v ranнем zheleznom veke [Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age]* (Bosporskie issledovaniya) [Bosporus Studies] 6). Simferopol.
- Храпунов, М.М. 2004: *Этническая история Крыма в раннем железном веке* (БИ VI). Симферополь.
- Khrapunov, I.N. 2016: *Poselenie v Barabanovskoy balke (II–IV vv. n.e.) [Settlement in Barabanovskaya Ravine (2nd–4th centuries AD)]*. Simferopol.
- Храпунов И.Н. 2016: *Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н.э.)*. Симферополь.
- Khrapunov, I.N. 2019: *Arkheologicheskaya kul'tura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [Archaeological culture of the Late Roman period in Piedmont Crimea]*. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 1, 32–49.
- Храпунов, И.Н. 2019: *Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму*. *РА* 1, 32–49.
- Khrapunov, I.N. 2025: *Mogil'nik Neyzats (II–IV vv. n.e.): V trekh tomakh [The Neizats Burial Ground (2nd–4th Centuries AD): 3 vols]*. Sevastopol.
- Храпунов, И.Н. 2025: *Могильник Нейзац (II–IV вв. н.э.): В трех томах*. Севастополь.
- Kislyu, A.E. 2022: *Kamenskaya kul'tura vostochnogo Kryma: drevnost' i sovremennost' [The Kamenskaya Culture of Eastern Crimea: Antiquity and Modernity]*. Rostov-on-Don.
- Кислый, А.Е. 2022: *Каменская культура восточного Крыма: древность и современность*. Ростов-на-Дону.
- Kleyn, L.S. 1991: *Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological Typology]*. Leningrad.
- Клейн, Л.С. 1991: *Археологическая типология*. Ленинград.
- Koltukhov, S.G., Yurochkin, V.Yu. 2004: *Ot Skifii k Gotii [From Scythia to Gothia]*. Simferopol.
- Колтухов, С.Г., Юрочкин, В.Ю. 2004: *От Скифии к Готии*. Симферополь.
- Mastykova, A.V., Gavritukhin, I.O. (ed.) 2024a: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastyakh [The Roman-Era Burial Ground of Frontovoye 3 in Southwestern Crimea: in Three Parts]*. Pt. 2. Moscow.
- Мастыкова, А.В., Гавритухин, И.О. (отв. ред.) 2024а: *Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях*. Ч. 2. М.
- Mastykova, A.V., Gavritukhin, I.O. (eds.) 2024b: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastyakh [The Roman-Era Burial Ground of Frontovoye 3 in Southwestern Crimea: in Three Parts]*. Pt. 3. Moscow.
- Мастыкова, А.В., Гавритухин, И.О. (отв. ред.) 2024б: *Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях*. Ч. 3. М.
- Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.) 2022: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii [The Roman Period Burial Ground Frontovoe 3: Barbarians on the Borders of the Empire]*. Moscow.
- Мастыкова, А.В., Хайрединова, Э.А. (отв. ред.) 2022: *Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи*. М.

- Nenevolya, I.I., Voloshinov, A.A. 2001: Dva kompleksa IV v. n.e. na mogil'nike Krasnozor'e [Two Fourth-Century AD Complexes at the Krasnozorye Burial Ground]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (ed.), *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of Crimea]. Moscow, 141–146.
- Неневоля, И.И., Волошинов, А.А. 2001: Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье. В сб.: И.И. Гушина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы Крыма*. М., 141–146.
- Shchepinskiy, A.A. 1966: Kul'tura eneolita i bronzy v Krymu [Eneolithic and Bronze Age Culture in Crimea]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 10–23.
- Щепинский, А.А. 1966: Культура энеолита и бронзы в Крыму. *СА* 2, 10–23.
- Shults, P.M. 1971: Pam'yatki pizn'oskifs'koi kul'turi v Krimu [Sites of Late Scythian Culture in Crimea]. *Arkheologiya Ukrain's'koy RSR* [Archaeology of the Ukrainian SSR] 2, 244–270.
- Шульц, П.М. 1971: Пам'ятки пізньоскіфської культури в Криму. *Археологія Української РСР* 2, 244–270.
- Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2023: *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastyakh* [The Roman-Era Burial Ground of Frontovoye 3 in Southwestern Crimea: in Three Parts]. Pt. 1. Moscow.
- Свиридов, А.Н., Язиков, С.В. 2023: *Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях*. Ч. 1. М.
- Vysotskaya, T.N., Makhneva, O.A. 1983: Novye pozdneskifskie mogil'niki v Tsentral'nom Krymu [New Late Scythian Burial Grounds in Central Crimea]. In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye vv. n.e.* [Population and Culture of Crimea in the First Centuries AD]. Kiev, 66–80.
- Высотская, Т.Н., Махнева, О.А. 1983: Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму. В сб.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Население и культура Крыма в первые вв. н.э.* Киев, 66–80.
- Yurochkin, V.Yu. 1999: Chernyakhovskaya keramika yugo-zapadnogo Kryma [Chernyakhov Ceramics of Southwestern Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] 10, 257–274.
- Юрочкин, В.Ю. 1999: Черняховская керамика юго-западного Крыма. *Херсонесский сборник* 10, 257–274.
- Yurochkin, V.Yu. 2002: Proiskhozhdenie skleпов Tsentral'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma: Bospor ili Kavkaz? [The Origin of Vaults in Central and Southwestern Crimea: Bosphorus or Caucasus?]. In: M.Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: pogrebalnye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy nauchnoy konferentsii* [The Bosphoran Phenomenon: Burial Monuments and Sanctuaries. Material of Scientific Conference], 2. St. Petersburg, 125–137.
- Юрочкин, В.Ю. 2002: Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции*. 2. СПб., 125–137.
- Yurochkin, V.Yu. 2017: *Gotskiy vopros* [The Gothic Question]. Simferopol.
- Юрочкин, В.Ю. 2017: *Готский вопрос*. Симферополь.
- Yurochkin, V.Yu. 2021: «Slavyanskiy vopros» i akademicheskaya arkheologiya v poslevoennom Krymu [The “Slavic Question” and Academic Archaeology in Post-War Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 179–189.
- Юрочкин, В.Ю. 2021: «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. *РА* 4, 179–189.
- Yurochkin, V.Yu. 2024: Inkermanskaya kul'tura: pro et contra. Pamyati Olega Vasil'evicha Sharova (1960–2021 gg.) [Inkerman Culture: Pro et Contra. In Memory of Oleg Vasilyevich Sharov (1960–2021)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archeology of Crimea], 21, 209–225.
- Юрочкин, В.Ю. 2024: Инкерманская культура: pro et contra. Памяти Олега Васильевича Шарова (1960–2021 гг.). *История и археология Крыма* 21, 209–225.
- Yurochkin, V.Yu., Mayko, V.V., 2017: Goty, skify, slavyane: etnicheskie kul'bity krymskoy arkheologii poslevoennoy epokhi (glava 8) [Goths, Scythians, Slavs: Ethnic Somersaults of Crimean Archaeology of the Post-War Era (Chapter 8)]. In: L.B. Vishnyatskiy (ed.), *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'isev do genueztsev* [Unknown Pages of Crimean Archaeology: from Neanderthals to Genoese]. St. Petersburg.
- Юрочкин, В.Ю., Майко, В.В. 2017: Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8). В сб.: Л.Б. Вишняцкий (ред.), *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев*. СПб.

- Zaytsev, Yu.P. 2022: Nekropoli Krymskogo Barbarikuma I–IV vv. [Necropolises of Crimean Barbaricum 1st–4th Centuries AD]. In.: Mastykova, Khayredinova 2022, 102–117.
- Зайцев, Ю.П. 2022: Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. В сб.: Мастыкова, Хайрединова 2022, 102–117.
- Zaytsev, Yu.P., Shkriblyak, I.I. 2017: Gornyy massiv Kubalach kak novyy fenomen arkheologii Kryma (pervye rezul'taty issledovaniy) [The Kubalach Mountain Range as a New Phenomenon of Crimean Archaeology (First Research Results)]. In.: Yu.P. Zaytsev (ed.), *Kрым в эпоху эллинизма. Mezhekul'turnye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy* [Crimea in the Hellenistic Period. Intercultural Processes Based on Recent Archaeological Research]. Simferopol, 139–154.
- Зайцев, Ю.П., Шкрибляк, И.И. 2017: Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований). В сб.: Ю.П. Зайцев (отв. ред.), *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь, 139–154.
- Zaytsev, Yu.P., Shkriblyak, I.I. 2025: Tsitadel' gorodishcha Melek po rezul'tatam issledovaniy 2024 goda [The Citadel of the Melek Hillfort Based on the 2024 Investigation]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 278, 196–204.
- Зайцев, Ю.П., Шкрибляк, И.И. 2025: Цитадель городища Мелек по результатам исследований 2024 года. *КСИА* 278, 196–204.

Vladislav Yu. Yurochkin
Institute of Archaeology of Crimea,
Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6849-8998

В.Ю. Юрочкин
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт археологии
Крыма РАН
Симферополь, Россия